

«ДЕФИЦИТНЫЕ ТОВАРЫ – ЗЛОБА ДНЯ»: К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ КУРГАНЦЕВ ТОВАРАМИ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 1920–1930-х гг.

Исследуется зарождение советской системы снабжения городского населения провинции на примере города Кургана 1920–1930-х гг. На основе анализа архивных материалов, данных периодической печати и устных источников раскрывается вопрос об обеспеченности курганцев изделиями легкой промышленности в этот период. Автор приходит к выводам о том, что уже во второй половине 1920-х гг. для жителей больших и малых городов СССР дефицит товаров широкого потребления становится злободневной проблемой.

Ключевые слова: советская повседневность; снабжение; дефицит; товары легкой промышленности.

Дефицит товаров народного потребления был яркой иллюстрацией советской повседневности. В памяти старшего поколения россиян еще живы образы очередей, талонного распределения, полупустых прилавков и неравномерного снабжения. С переходом к рыночной экономике, появлением широчайшего ассортимента товаров и услуг проблема дефицита осталась в прошлом, оказавшись предметом исторического исследования. Обращение к теме обеспеченности населения товарами народного потребления позволяет охарактеризовать одну из важнейших сторон повседневной жизни людей. Крупнейшим исследованием сферы снабжения советского населения в период индустриализации стала монография Е.А. Осокиной [1]. Тема обеспеченности населения товарами первой необходимости, в том числе одеждой и обувью, достаточно подробно рассмотрена в работах Н.Б. Лебиной [2], Ш. Фицпатрик [3]. Интерес к истории становления советской системы снабжения непродовольственными товарами на Урале проявляют и региональные исследователи [4, 5]. Раскрыть этот вопрос, обратившись к истории курганской повседневности, – значит не только восполнить пробел в наших знаниях об истории города, но и рассмотреть зарождение провинциальной системы советского снабжения на примере отдаленного от крупных промышленных строек окружного центра.

Одним из важнейших источников по вопросу обеспеченности курганского населения товарами народного потребления являются материалы местной газеты «Красный Курган», публиковавшей наряду с объявлениями торговых организаций и пошивочных мастерских статьи о ситуации в сфере снабжения. Кроме того, интереснейшие сведения о городской торговле содержат сводки ОГПУ. Значительно расширяют знания о прошлом устные источники – аудиозаписи воспоминаний жителей города Кургана, для которых 1930-е гг. были временем их юности. Устные рассказы современников эпохи обогащают наши знания о прошлом разнообразными «житейскими» подробностями.

В ходе развития народного хозяйства СССР на основе плановой экономики преимущество, как известно, отводилось отраслям тяжелой и оборонной промышленности. Задача обеспечения советских граждан товарами народного потребления отходила на второй план, и население, обескровленное войнами первой

половины века, готово было ждать, активно участвуя в созидании «светлого будущего». Сами руководители молодого Советского государства, встав на путь социалистического строительства, должны были трезво оценить положение, в котором оказалась страна в начале 1920-х гг. В масштабном государственном плане ГОЭЛРО был проведен анализ перспектив промышленного развития страны. Отмечалось, в частности, что «положение хлопчатобумажной промышленности в ближайшие годы будет чрезвычайно трудным ввиду недостатка в сырье. <...> Шерстяная промышленность для более или менее нормального удовлетворения потребностей населения должна бы быть увеличена в 3–4 раза» [6. С. 178].

Необходимость обеспечения населения важнейшими продуктами в условиях военного времени требовала от новой власти незамедлительных, чрезвычайных мер. Государство решилось взять под контроль производство и распределение товаров первой необходимости. Военный коммунизм стал временем, когда «рынок был объявлен официально не существующим, а торговля – злейшим преступлением» [7. С. 45]. В рамках новой экономической политики допускалось существование мелкого частного предпринимательства, в то же время индивидуальное производство и особенно торговля были лишены государственной поддержки и рассматривались как временное явление. Оживление торговли, охватившее страну в 1920-х гг., было отмечено и в Кургане, где за период с 25 июля по 24 декабря 1921 г. было выдано более шестисот разрешений на торговую деятельность на дому или на городском базаре [8. Л. 1–36 об.].

Отмечая вклад частного предпринимательства в развитие производства и торговли периода НЭПа, Е. Осокина подчеркивает, что «особенно велика была роль частника в национальных районах и провинции. Сферой действия частного капитала в значительной мере являлась и кустарная промышленность, которая... производила треть валовой продукции промышленности» [1. С. 38–39]. В 1924 г. в городе Кургане – окружном центре с населением более 20 тыс. человек – в сфере кустарного производства швейных, обувных и подобных изделий работали 34 портных, 14 сапожников, 9 пимокатов, 8 шапочников, 3 овчинника, 2 гребенщика, 2 вязальщика чулок и 2 красильщика, в то время как общее число кустарей в городе составляло 295 человек [9. С. 303–304]. В 1926 г. го-

род Курган насчитывал 26 812 жителей [10. 1926. № 72. С. 4].

Составители сборника «Краткий обзор Курганского округа», опубликованного в 1925 г., приводят процентное соотношение ввоза товаров в Курганский округ, сравнивая начало 1920-х гг. с довоенным 1913 г. В 1923/24 хозяйственном году ввоз промышленных товаров в Курганский округ составил 21,9% от уровня 1913 г. В первой половине 1924/25 хозяйственного года ввоз увеличился до 29,7% от довоенного уровня. Причем главными продуктами ввоза в начале 1920-х гг., как и десятилетие назад, оставались мануфактурные товары [9. С. 413]. Текстиль, обувные и кожевенные товары пользовались большим спросом у населения округа. Среди проданных потребкооперации товаров за период с 1 января по 1 октября 1924 г. как в городе, так и в сельской местности первое место занимала именно мануфактура (от 33,2 до 38,8% от общего объема продаж), на третьем месте, уступая бакалее, находились кожевенные и обувные товары (от 9,2 до 11,8%) [Там же. С. 311].

В самом начале проведения новой экономической политики частная торговля подверглась резкому осуждению со страниц окружной газеты «Красный Курган». Летом 1921 г. здесь был опубликован рифмованный текст о буднях городских торговцев [10. 1921. № 60. С. 2]. Автор осуждает все, что происходит на «толкучке»: продажу разнообразных товаров по высоким ценам, самих «спекулянтов» («больных и лентяев отпускных») и лиц, их укрывающих («милиционер – ныне стал миллионер»). Весь этот «гниющий стан», по мнению автора, следует подвергнуть самому суровому наказанию. Очевидно, что «толкучка», описываемая автором, была востребованной, а потому многолюдной («на толкучке суeta, как в котле народ кипит...»). Ассортимент продаваемых здесь товаров включал и предметы широкого потребления («мыло, тряпки, сапоги... / Полушалки и чулки, / Нитки, пуговицы, кресты... / Кольцы, ленты и духи, / Лисьи шкурки и мехи, / Ряд ботинок и штиблет, / И чего, чего тут нет!..»).

Автор, неодобрительно отзываясь о торговцах, дает их краткое описание. На городском базаре можно было встретить чеботарей, портных – «отпускных по болезни» и «спекулирующих» инвалидов, а также торговый ряд татар. Только ли корысть побуждала граждан торговать, несмотря на инвалидность и болезнь? Нелегальная или «полулегальная» торговля сохранялась на протяжении всего периода существования Советского государства и была распространена как в столице, так и в провинции. По словам Н.Н. Макаровой, исследовавшей систему снабжения населения Магнитогорска в первой половине 1930-х гг., «нелегальная торговая деятельность горожан позволяла выживать многим в сложнейшей ситуации дефицита товаров первой необходимости» [4. С. 97]. На примере города Кургана можно проследить, какие формы принимала незаконная торговля в 1920–1930-е гг. Кроме описанных фактов продажи портными и чеботарями товаров собственного производства на базаре по ценам выше государственных во время больничных отпусков существовала практика перепродажи одежды, приобретенной в магазинах. При

этом человек, перепродавая полученную вещь, мог вовсе не преследовать цель наживы. Зачастую товары, полученные по талону, оказывались совершенно не подходящими для покупателя (не соответствовали размеру, возрасту и даже полу). В то же время имели место случаи намеренной перепродажи товаров по ценам выше государственных. Так, по сведениям ОГПУ, в 1936 г. инструктор «Челябпромторга» взял в магазине № 3 «мануфактуры неизвестно какое количество <...> уехал в деревню Башкирское Половинского района и там продавал мануфактуры разным лицам по повышенной стоимости». К примеру, плательный жаккард черного цвета он продавал по 6 руб., а в магазине эта ткань стоила 2 руб. 75 коп. [11. Л. 21].

Следует упомянуть и о складывании в стране закрытой системы снабжения отдельных категорий граждан, находящихся в привилегированном положении при существующей системе дефицита. Однако и рядовые горожане искали пути получения необходимых товаров. Уже в 1930-е гг. большое значение приобретают «связи» в торговой среде. Однако в это время даже знакомство с заведующими магазинами не гарантировало получение дефицитных товаров. В сводках ОГПУ по городу Кургану приводятся факты нарушения сотрудниками городских магазинов правил торговли. В октябре 1934 г. в Курганское отделение Промторга поступило 12 пар дамских сапог, которые «по запискам» управляющего отделения и старшего товароведа «были проданы из магазина № 1 тайком из-под прилавка своим знакомым и сотрудникам отделения». Примечательно, что на 12 пар сапог было выдано 44 записки [12. Л. 263].

Исследователь ленинградской повседневности Н.Б. Лебина выделяет в качестве характерной черты внешнего вида жителей северной столицы в первой половине 1920-х гг. ношение перешитой одежды [2. С. 132]. Донашивание старых, дореволюционных предметов гардероба было весьма распространенным явлением и в провинции. При этом жители небольших городов, зачастую не готовые в одночасье изменить привычный внешний облик, носили дореволюционный костюм в неизменном виде.

В 1920–1930-е гг. советские граждане ощущали дефицит готовых швейных и обувных изделий. Недостаточный выпуск готового платья способствовал сохранению и развитию по всей стране швейных ателье и разнообразных ремонтных мастерских. В этот период в Кургане также не было в продаже достаточного количества готовой одежды: платья, костюмы, пальто – все это горожане заказывали в ателье, у частных портных или шили самостоятельно. В магазинах и на рынке продавали прежде всего ткани: ситец, сатин, бумазею, сукно и бельевое полотно, а также обувь [10. 1924. № 117. С. 4]. Кроме того, на рынке, служившем местом бойкой торговли для жителей Курганского округа, можно было приобрести отдельные предметы поношенной одежды. В Кургане существовал и комиссионный магазин по продаже готового платья, обуви и домашних вещей [10. 1931. № 19. С. 4].

Цены на ткани в Кургане постепенно снижались. Ко второй половине 1920-х гг. в зависимости от каче-

ства материала стоимость сукна составляла 3–12 руб./м, ситца – 32–43 коп./м, бельевого полотна – 30 коп. – 1 руб. 20 коп./м [10. 1924. № 56. С. 4; 1926. № 160. С. 4; 1927. № 25. С. 4].

В 1920-х гг. газета «Красный Курган» периодически сообщала о продаже «кожаной мужской, женской и детской обуви московских и кунгурских фабрик, резиновых и суконных галош», в 1923 г. анонсировала поступление в магазин отделения Челябинского губторга верхней одежды: овчинных полушубков, черных и желтых борчаток (шуб), а также валенной обуви [10. 1923. № 49. С. 4]. В этом же году в «Красном Кургане» появилось объявление о продаже со скидкой 25% мужских, дамских и детских фуфаяк, головных платков, чулок, носков, перчаток и других товаров [Там же. № 66. С. 4]. Впрочем, этим и ограничивался ассортимент продаваемой в Кургане готовой одежды. Более того, в середине 1920-х гг. город испытывал «голод промтоваров», одна из главных причин которого заключалась, по свидетельству корреспондента местной газеты, в отсутствии «у государственных и кооперативных торговых организаций достаточного количества нужных крестьянству товаров» [10. 1925. № 95. С. 3]. Весной 1926 г. отмечалась острая нехватка сукна, кожаных товаров и резиновой обуви [Там же. 1926. № 92. С. 4]. «Товарный голод», охвативший всю страну во второй половине 1920-х гг., стал ответом на стремление властей вытеснить частный сектор из экономики и заменить рыночные механизмы государственным планированием, что привело к особенно ощутимым последствиям на фоне развертывания масштабного индустриального строительства.

Как отмечают исследователи, в конце 1920-х гг. в СССР предприятия легкой промышленности производили «на человека в год всего лишь 12 м хлопчатобумажных тканей <...> 80 см шерстяных тканей, 0,4 пары кожаной обуви (полботинка на человека), один носок или чулок», а кооперативная торговля фактически превратилась в «канал государственного снабжения» [1. С. 39–40].

Тема дефицита товаров периодически освещалась в газете «Красный Курган». В 1928 г. местные снабженцы отмечали, что «большим тормозом в торговой работе Рабкопа является перебой в товароснабжении по тем группам товаров, которые относятся к категории дефицитных. <...> В четвертом квартале текущего хозяйственного года в течение месяца Рабкоп совершенно не получал мануфактуры. И только в первых числах августа поступила партия (полвагона) хлопчатобумажных тканей. В августе же ожидается поступление еще полвагона хлопчатки и полвагона занаряжено на сентябрь. В течение четвертого квартала будет получено через “Уралоблсоюз” полтора вагона хлопчатобумажной мануфактуры. Грубошерстных, камвольных и тонкосуконных тканей на август Уралоблсоюзом для Курганского Рабкопа отпускается на сумму 8 000 рублей. <...> Лучше обстоит дело с готовым платьем, которого сейчас получено на 15 000 рублей. Сейчас имеется ходовых сортов готового платья, как-то: пальто, костюмы, белье на 7–8 тысяч рублей». Тем не менее, подчеркивает специа-

лист, «занаряженного на 4 квартал количества мануфактуры <...> недостаточно для удовлетворения полностью потребительского спроса, но на большее сейчас рассчитывать трудно» [10. 1928. № 117. С. 4].

В 1930-е гг. на Южном Урале наблюдается рост темпов производства изделий легкой промышленности. Накануне Великой Отечественной войны в Челябинской области было выпущено товаров народного потребления на 37,4 млн руб. (в 6,1 раза больше, чем в 1927 г.). В то же время легкая промышленность Южного Урала не получила развития, необходимого для удовлетворения потребностей населения [5. С. 37]. Однако в Кургане, периодически входившем в годы индустриализации в состав Челябинской области, в 1930-е гг. не было предприятий швейной промышленности.

Проблему снабжения населения в годы острейшего дефицита продовольственных и промышленных товаров государственная власть решала чрезвычайными мерами на всем протяжении существования Советского Союза. Так, кризис конца 1920-х гг. привел к введению в 1929 г. нормированной системы распределения хлеба, а затем и промышленных товаров. По оценкам историков, по всей стране «положение с одеждой, обувью, тканями и другими непродовольственными товарами <...> оставалось тяжелым. <...> Даже в Москве потребность в чулках, носках, платках удовлетворялась лишь наполовину, потребность в одежде и обуви – в лучшем случае на треть, в нитках – на 10–20%» [1. С. 77–78].

В Кургане в начале 1930-х гг. ситуация в сфере распределения готового платья также была напряженной. В июле 1930 г. в газете «Красный Курган» появилась заметка под названием «Рабочий не получает готового платья», в которой указывалось, что товары в магазинах ЦРК и Москвошвейпрома распределяются в большинстве случаев только среди служащих, а возле мест торговли существуют постоянные очереди [10. 1930. № 162. С. 4]. Приобретение необходимых товаров для миллионов советских граждан становится острейшей повседневной проблемой. Нельзя не согласиться с Ш. Фицпатрик в том, что «вещи имели в 30-е годы в Советском Союзе огромное значение, хотя бы потому, что их было так трудно достать» [3. С. 52].

В 1931–1932 гг. в этой же газете периодически являются объявления Рабкопа о приеме авансов под готовую одежду. Оговаривалось, что «внесшие авансы будут получать в первую очередь», причем среди них преимущество будут иметь рабочие ценовой промышленности [10. 1930. № 180. С. 4; 1932. № 36. С. 4].

В это время практиковалась нормированная система распределения готовой одежды. Талоны были действительны в течение определенного времени, о чем в 1930 г. регулярно сообщалось на страницах местной газеты [Там же. 1930. № 181. С. 4]. Несовершенства системы нормированного распределения промтоваров стали темой любопытного фельетона, опубликованного 24 сентября 1930 г. в газете «Красный Курган». Описан, очевидно, типичный случай, произошедший с рабочим после получения талона от

Рабкопа. Автор упоминает о протекции фабзавкома, намекая на трудности, с которыми сталкивались рабочие при получении талонов. Ударник завода в выходной день отправился в нижний магазин Рабкопа отovarивать свой талон на рейтузы, не имея ни малейшего понятия о том, что они собой представляют. В магазине было многолюдно: «Народу – пушкой не прошибешь, – подчеркивает автор фельетона. – Кто к прилавку пробирается, кто от прилавка, кто полученный товар продает, кто в чужой карман лезет. <...> Вышли мы в проход – торговля несуетная кругом идет. Кто ботинки продает, кто калоши. Не те номера попали». Рейтузы оказались дамскими панталонами, которые разочарованный рабочий тут же продал соседу в очереди. Автор фельетона размышляет: «Не лучше ли, товарищи, в самом деле, особые распределители по заводам устроить, все-таки порядку бы больше было и не так обидно» [10. 1930. № 213. С. 3]. Обращает на себя внимание то, что общественной критике подвергалась не сама система нормированного снабжения, а лишь отдельные случаи, выходящие за рамки здравого смысла. Причем решение проблемы мыслилось через внедрение практики закрытого распределения. С другой стороны, за пределы поверхностной критики крайностей сложившейся системы и действий местных властей периодическая печать в тот период выйти просто не могла.

Крайними проявлениями несовершенства советской системы планового снабжения были случаи абсурдного распределения товаров. Ситуации, известные нынешнему поколению по анекдотам, имели место и в жизни провинциального города. Так, в декабре 1930 г. печать критиковала действия правления Курганского райпо, члены которого направляли духи, пудру и сандалии в отделения при лесозаготовках, в то время как город ощущал острую нехватку этих товаров. «Зачем мужику духи, особенно на лесозаготовках, – одним правленцам известно», – иронично подмечает автор заметки [Там же. № 283. С. 3]. Из газетных объявлений понятно, что в 1930-х гг. в Кургане объемы и ассортимент готовой одежды несколько увеличились по сравнению с предшествующим десятилетием. Однако дефицит готового платья по-прежнему побуждал большинство горожан заказывать одежду в ателье или шить самостоятельно. Два года подряд в газете появлялось объявление о наборе учениц на курсы кройки и шитья [10. 1930. № 184. С. 4; 1931. № 199. С. 4], а в ноябре 1930 г. гострудсберкасса объявила о приеме целевых вкладов на швейные машины [10. 1930. № 262. С. 4]. Швейные машины, ставшие для советских женщин предметом первой необходимости, пользовались большим спросом на протяжении многих лет. В 1939 г. в течение двух рабочих дней в магазине Точмашбыта жители Курганского района приобрели 80 швейных машин и всего 7 патефонов [Там же. 1939. № 72. С. 4].

Именно дефицит готовой одежды способствовал сохранению и развитию городских пошивочных ателье и ремонтных мастерских. Жители столиц (особенно представители элиты) уже с середины 1920-х гг. могли позволить себе шить костюмы у частных портных, получивших известность еще до революции [2.

С. 135]. Небогатые жители провинции делали выбор в пользу экономных и честных мастеров. Из устных источников известны фамилии лучших курганских портных: Павел Афанасьевич Устюжанин, заведующий производством коньков, брючный мастер Павел Васильевич Чепурных. Уважением среди горожан пользовался закройщик первого цеха Михаил Афанасьевич Утробин: «Там очередь, – рассказывает житель города Кургана Ф.И. Захарова, – потому что знают, что тут не возьмут ничего. <...> Была такая поговорка: “У продавца нет сдачи, у портного остачи”. А эти (мастера первого цеха. – К.К.) уж все лоскутки свернут, веревочкой завяжут и все тебе остаточки отдадут» (Кладова К.Ю. Воспоминания Ф.И. Захаровой от 12 октября 2013 г. Аудиозапись.).

В межвоенные десятилетия в Кургане существовала кустарно-промысловая артель «Быстроход», располагавшаяся по улице Свободы и занимавшаяся изготовлением и ремонтом обуви [10. 1930. № 172. С. 4]. В 1930 г. в городе работали сапожная и портновская мастерские артели инвалидов «Взаимопомощь», располагавшиеся сначала в доме по улице Ленина [Там же. № 188. С. 4], а затем в каменном корпусе на Нижнебазарной площади [Там же. № 216. С. 4]. В 1931 г. артель имела в своем распоряжении целый ряд разнообразных предприятий, в том числе сапожную, швейную, матрачную мастерские [10. 1931. № 292. С. 4].

На протяжении 1930-х гг. в газете печатались объявления промышленно-производственной артели «Новость». В 1930 г. промартель, располагавшаяся на Нижнебазарной площади, «объявила о приеме в починку и переделку детской одежды и обуви вне очереди» [Там же. 1930. № 272. С. 4]. В следующем году сообщалось, что артель «Новость» принимает в перелицовку, ремонт и починку верхнее и нижнее платье и спецодежду, а также покупает старую одежду, поношенные фуражки, кепки и шапки [Там же. 1931. № 50. С. 4]. В 1937 г. курганская артель «Новость» открыла новую портновскую мастерскую по ул. Коли Мяготина, дом № 88. Причем у портных артели существовала определенная специализация: пошив и ремонт верхнего платья дамского, мужского, детского производился в мастерских по ул. Коли Мяготина, № 88 и по ул. Максима Горького, № 133; белье, платье, головные уборы, ведомственное обмундирование, спец-одежда и прочее – по ул. Ленина, № 7 [Там же. 1937. № 71. С. 4]. Более подробное описание деятельности мастерских артели дает житель города Кургана Ф.И. Захарова, вспоминая в ходе интервью о том, что третий цех артели располагался на углу улиц Коли Мяготина и Красина, где работали несколько портных, занимавшихся только пошивом платья. В первом цехе на углу улиц Пролетарской и М. Горького шили пальто, костюмы, брюки. Цех занимал двухэтажный дом: внизу располагались закройщики и клиенты, а наверху – сама мастерская. В двухэтажной мастерской по улице Ленина шили платье, вязали трикотаж, в том числе чулки и носки. На первом этаже здания изготавливали головные уборы и шили ватные одеяла. Здесь можно было отдать в перелицовку старую фетровую шляпу и в итоге получить «новую» вещь.

В конце 1930-х гг. советские граждане по-прежнему ощущали острую нехватку одежды, обуви и текстильной продукции [3. С. 56]. Во второй половине 1930-х гг. товары легкой промышленности, поступающие в курганские магазины, становятся разнообразнее, но отнюдь не доступнее. В августе 1935 г. магазин Курганского военного кооператива, расположенный по адресу ул. Куйбышева (б. Свободы), 36, через газету сообщил о поступлении в свободную продажу таких товаров, как «меха в полном ассортименте, головные уборы, одеяла пикейные, детские, меховые пальто, пиджаки ватные, холсты крестьянские в большом количестве и прочие товары. На днях поступает большая партия трикотажа». В этом же номере магазин Горрабкопа сообщал о поступлении партии мужских и дамских галош и ассортименте рукавиц [10. 1935. № 198. С. 2]. Открывшийся после ремонта магазин № 1 Челябинска в феврале 1936 г. извещал о наличии готового платья, резиновой обуви, мануфактуры, зимних и летних головных уборов, трикотажа, парфюмерии и галантереи [Там же. 1936. № 33. С. 4]. Год спустя в этот же магазин на площади Куйбышева поступили в продажу «мануфактуральное сукно-бобрик, готовое платье, пальто дамские демисезонные и детские, платья дамские и костюмы мужские». «Спешите купить!» – призывали авторы объявления [10. 1937. № 75. С. 4]. Магазины Челябинска работали с 9 утра и до 7 вечера [Там же. № 10. С. 4]. О дефиците товаров свидетельствуют и объявления: сообщая об открытии в январе 1937 г. нового магазина по продаже мануфактуры, готового платья, обуви и галантерейных изделий, авторы заметки употребили выражение «товаров заброшено на 50 тысяч рублей» [10. 1937. № 11. С. 4]. Годы спустя в речь советских граждан прочно вошел глагол «выбросили», обозначающий долгожданное появление дефицитных товаров на прилавках.

Таким образом, уже во второй половине 1920-х гг. для жителей больших и малых городов Советского Союза дефицит товаров широкого потребления становится злободневной проблемой. Приспосабливаясь, население вынуждено было искать пути приобретения необходимых товаров. Частная торговля постепенно переходит на нелегальное или «полулегальное» положение, называясь спекуляцией и обретая в связи с этим новый смысл. В ситуации дефицита особое положение занимают работники магазинов, знакомство с которыми дает гражданам надежду на получение нужных вещей. В то же время нехватка готовых изделий легкой промышленности способствовала развитию по всей стране разнообразных пошивочных мастерских. Широко практиковался ремонт одежды и обуви, а также перелицовка поношенных вещей. В Кургане профессиональные портные, объединенные в артели, имели узкую специализацию: существовали цеха по пошиву и ремонту верхней одежды, платья, головных уборов и т.д. Отдельно работали мастерские по пошиву и ремонту обуви.

На протяжении многих десятилетий мечтой каждой советской женщины было приобретение швейной машины. На рубеже 1920–1930-х гг. курганские домохозяйки получили возможность осваивать швейное мастерство на курсах, а также приобрести швейные машины, ставшие уже тогда предметом особого спроса.

Государственная власть в решении проблемы дефицита шла по пути создания системы нормированного снабжения, закрытого распределения, в то время как в советском обществе, остро нуждавшемся в товарах первой необходимости, появлялись своеобразные механизмы решения этой насущной проблемы, отразившиеся не только в поведении, но и в мыслях и вкусах людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1999. 271 с.
2. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. 488 с.
3. Фищатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. 336 с.
4. Макарова Н.Н. Не снабжают, а издеваются над нами...»: система снабжения Магнитогорска (1929–1935) // Вестник Пермского университета. История. 2010. № 1 (12). С. 90–99.
5. Полкунова С.Ю., Полкунов Ю.Г. Математическое моделирование в историческом исследовании: рост объема производства легкой и пищевой промышленности Южного Урала в 1920–1930 годы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 1 (137). С. 33–38.
6. План электрификации РСФСР : введение к докладу VIII Съезда Советов Государственной Комиссии по Электрификации России. М., 1920. 230 с.
7. Аборвалова А.Н. Торговля в Советской России в период становления социалистической экономики (1917–1924 годы) // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Экономика. Управление. Право, вып. 1. С. 46–48.
8. Государственный архив Курганской области. Ф. Р-635. Оп. 5. Д. 9.
9. Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественноисторическом, культурно-экономическом и административном отношении. Курган, 1925. 542 с.
10. Красный Курган : газета.
11. Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (далее – ГАОПДКО). Ф. 11. Оп. 54. Д. 61.
12. ГАОПДКО. Ф. 11. Оп. 45. Д. 2.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 июля 2016 г.

“SCARCE GOODS AS THE TOPIC OF THE DAY”: ON CONSUMER GOODS SUPPLY OF KURGAN RESIDENTS IN THE 1920S–1930S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 123–128.
DOI: 10.17223/15617793/413/19

Kseniya Yu. Kladova, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: ks-klad@mail.ru

Keywords: soviet daily routine; supply; deficit; consumer goods industry.

The article studies the conception of the Soviet supply system of the provincial urban population on the example of the city of Kurgan in the 1920s–1930s. Based on the analysis of archive materials, periodicals data and oral sources, the issue of providing Kurgan city residents with consumer goods is discussed, the range of goods and services available for the residents of Kurgan is demonstrated, the mechanisms of people’s adaptation to the conditions of severe shortage of goods are characterized. The trade recovery in the country during the NEP period was also noticed in Kurgan. In the middle of the 1920s Kurgan province still traditionally produced handicraft consumer goods. A third of the Kurgan handicraftsmen was represented by needlewomen and shoemakers. In the early 1920s, the consumers’ main demand in Kurgan and rural areas was textile and shoe goods. But in the second part of the 1920s, the deficit of consumer goods became a problem of current interest. Private trade turned to be illegal or “half-legal”, it is referred to as “profiteering” and acquires a new meaning in these circumstances. In the conditions of the severe shortage of goods personal “relations” or “acquaintances” in trade started to play a significant role. Ready-made textile and shoe goods (dresses, suits, coats, half-length fur coats, padded jackets, leather, rubber, cloth and felt footwear) were sold in small batches. The deficit was worse due to the irrational distribution of goods among the districts. For example, in some cases face powder and perfume appeared in small shops at sawmills, but not in towns. The lack of ready-made clothes promoted the development of sewing workshops all over the country. People often used them to repair their clothes and shoes or to turn the worn-out clothes. In Kurgan, professional tailors united in co-operatives and had narrow specializations – there were different workshops for sewing and repairing the outdoor, dresses and hats. Workshops for making and repairing shoes worked separately. For many years every Soviet woman dreamed about buying a sewing machine. At the verge of the 1920s–1930s Kurgan housewives got an opportunity to master needlecraft at special courses and to buy sewing machines which had already become an object of strong demand at that time. The government tried to solve the problem of deficit in different ways using rationing or closed distribution whereas, because of the great lack of essential goods, the Soviet society developed new specific mechanisms for solving this problem that reflected not only in the behavior but also in people’s minds and tastes.

REFERENCES

1. Osokina, E.A. (1999) *Za fasadom “stalinskogo izobilija”*: *Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941* [Behind the facade of of “Stalin’s plenty”: distribution and market in the supply of the population in the years of industrialization. 1927–1941]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
2. Lebina, N.B. (2015) *Sovetskaya povsednevnost’: normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol’shomu stilyu* [Soviet everyday life: rules and anomalies. From war Communism to the great style]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.
3. Fitzpatrick, S. (2008) *Povsednevnyy stalinizm. Sotsial’naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. Social History of Soviet Russia in the ’30s: the city]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN; Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N.El’tsin.
4. Makarova, N.N. (2010) “They do not supply goods, they just jeer at us...”: the Procurement System of Magnitogorsk in 1929–1935. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya – Perm University Herald, series “History”*. 1 (12). pp. 90–99. (In Russian).
5. Polkunova, S.Yu. & Polkunov, Yu.G. (2012) Mathematical modeling in historical study: growth of production of light and food industry in the South Ural region in 1920–1930. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Orenburg State University*. 1 (137). pp. 33–38. (In Russian).
6. Anon. (1920) *Plan elektrifikatsii RSFSR. Vvedenie k dokladu VIII S’ezda Sovetov Gosudarstvennoy Komissii po Elektrifikatsii Rossii* [Plan for electrification of the RSFSR. The introduction to the report of the VIII Soviet Congress of the State Committee for the electrification of Russia]. Moscow: Gos. tekhn. izd.
7. Aborvalova, A.N. (2012) *Torgovlya v Sovetskoy Rossii v period stanovleniya sotsialisticheskoy ekonomiki (1917–1924 gody)* [Trade in Soviet Russia in the period of socialist economy development (1917–1924)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Ekonomika. Upravlenie. Pravo – Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*. 12:1. pp. 46–48.
8. State Archive of Kurgan Oblast. Fund R-635. List 5. File 9. (In Russian).
9. Popov, A.D. (ed.) (1925) *Kratkiy obzor Kurganskogo okruga Ural’skoy oblasti v estestvennoistoricheskom, kul’turno-ekonomicheskom i administrativnom otnoshenii* [Overview of the Kurgan district of the Ural region in natural science, cultural, economic and administrative terms]. Kurgan: Izdanie okružnoy planovoy komissii.
10. *Krasnyy Kurgan*. (n.d.).
11. State Archive of the Socio-Political Documentation of Kurgan Oblast (GAOPDKO). Fund 11. List 54. File 61. (In Russian).
12. State Archive of the Socio-Political Documentation of Kurgan Oblast (GAOPDKO). Fund 11. List 45. File 2. (In Russian).

Received: 29 July 2016